

- - [Л. Тихомиров](#)
 - [§ I](#)
 - [§ II](#)
 - [§ III](#)
 - [§ IV](#)
 - [§ V](#)
 - [§ VI](#)
 - [§ VII](#)
 - [§ VIII](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Введение

Параграф [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#)

Л. Тихомиров

Запросы жизни и наше церковное управление

Между православными могут существовать не вполне одинаковые мнения относительно частностей церковного «окормления» нашей личной или общественной жизни, но сам факт «окормления» Церковью всем нам важен и дорог. В числе же органов, которыми оно совершается, особенно важным представляется *Высшее Церковное Управление*, относительно которого и предполагаю вниманию православных нижеследующие соображения.

Как известно, ныне действующие формы нашего церковно управления, с самого возникновения своего в 1721 году, не преставали возбуждать против себя разнообразную критику. Неоднократно были делаемы и поправки в Синодальном учреждении 1721 года¹. Но, несмотря на все эти поправки, даже и теоретическая критика не смолкала. В настоящее же время, чем дальше, тем больше, сами факты, неудовлетворенные запросы жизни, чисто практическим путем приводят к убеждению, что наша Церковь не дает достаточного «окормления» современной, усложнившейся, жизни православной России.

Как известно, император Петр I ставил целью реформы 1721 года создание «Высшего духовного Соборного Правительства», «со властью равнопатриаршеской», указывая своим подданным иметь новоучрежденный Св. Синод «за *важное и сильное Правительство*». Осуществилась ли эта идея?

Важным и сильным правительством можно считать лишь такое, которое обладает достаточной осведомленностью и средствами для благоустройства всех запросов жизни, относящихся к области его ведения. Наше же Церковное Управление, наоборот, во всех важнейших вопросах жизни обнаруживает слишком часто как недостаток своевременной в них осведомленности, так и недостаток средств к их разрешению. Вследствие этого мы нередко видим не столько решение вопросов, сколько оттягивание их. Это понятно, при неимении способов правильного решения, но ясно, что это признак скорее слабости, чем силы. Между тем, запросы жизни не исчезают от того, что не получают *должного*, правильного, разрешения, а только самовольно пробивают себе дорогу к разрешению неправильному.

Видя при этом отсутствие со стороны Церкви надлежащего руководства, сами православные постепенно привыкают жить и действовать на свой страх, самовольно, раздробляясь при этом на фракции, и утрачивая мысль об общем церковном руководстве их действиями. Отсюда возникают между ними разногласия, подрывающие силы Церкви, а в конце концов даже порождающие и ереси.

Разумеется, Церковное Правительство, которое не обнаруживает в должной мере даже мнения своего, отнюдь не может быть рассматриваемо как «важное и сильное».

Со своей стороны и власть государственная, не находя в церковном управлении должной силы для руководства деятельностью Православной Церкви в лице её пастырей, клира, мирян и иноков привыкает к тому, чтобы, по необходимости, решать возникающие дела и вопросы своим государственными воздействиями. Но на этом пути, во-первых, извращается истинный смысл православного союза Церкви и Государства, заменяясь протестантскою идеей *подчинения* Церкви Государству; во-вторых, решение, путем государственного воздействия, таких вопросов которые по природе своей, только духовною силой Церкви могут быть разрешены правильно, — получается, понятно, неудовлетворительное и цели благоустройства не достигающее².

Такое общее положение, подрывающее православное благоустройство России, обостряется все более, и в настоящие время мы, можно сказать, ежедневно осаждаемся вопросами, которые расстраивают Православную Церковь только из-за того, что у церковного управления не

оказывается силы для надлежащего их разрешения.

Возьмем несколько примеров этого из текущей современности.

В настоящую минуту, например, пред православным миром возник чрезвычайно угрожающий проект реформы *бракоразводного дела*, которое, по проекту, должно быть наполовину изъято из ведения Церкви.

Проект возник в сферах гражданской власти уже давно, в 70-х годах. Целые 30 лет вопрос этот не решался, а оттягивался. Но оттяжки не помогли, конечно, ибо в этом проекте, помимо тенденций антицерковных, привносимых собственно частными лицами, есть такая основа которая не может не возбуждать внимания уже самого Правительства, а именно: крайняя *неудовлетворительность* бракоразводного процесса в руках ныне действующих органов церковного управления.

И вот, старый проект возникает и готовится пойти на законодательное рассмотрение и утверждение. Если он получит утверждение, — это будет чрезвычайный удар Православию и Церкви. Действительно, проект предполагает передать бракоразводный процесс в ведение окружных судов, которые делают *постановления* о разводе, а Св. Синоду предоставляется затем лишь утвердить это постановление в смысле расторжения брака, как таинства. Итак, мы готовимся, во-первых, признать таинство в православном браке лишь некоторым придатком к учреждению чисто-гражданскому, и законодательно разбить в браке эти два элемента, чем, конечно подготавливаем место идеи гражданского брака. Во-вторых, при этом несомненна цель наших прогрессистов возможно облегчить *развод* при посредстве склонных к этому чинов светского суда. В-третьих, наконец, Церковь ставится в положение или приниженной исполнительницы постановлений гражданского суда в области, по-православному, подлежащей исключительно церковному ведению, или же, если Св. Синод откажется от роли простого исполнителя решений суда по делу, которого Св. Синод не разбирал и потому не может и знать, — то это грозит постоянными столкновениями между церковною и гражданскою властями — постепенно подрывая союз Церкви и Государства.

Итак, мы дождались положения прямо опасного. Но почему же целые 30 лет Церковь не сделала того, что нужно для предупреждения опасности?

Должно вспомнить, что в деле имеются две стороны. Стремление к «лаицизации» брака и к облегчению развода — не может быть удовлетворенно Церковью и должно найти в ней только решительный отпор. Но ведь и государственная власть ни к чему такому не стремится, а озабочена совсем иным: потребностью поставить надлежаще правильно бракоразводный процесс. В этом гражданская власть отвечает на настоятельный запрос времени. Несомненно, что бракоразводный процесс в церковном суде поставлен крайне плохо. Система формальных доказательств дает ему особенно грязный характер, в то же время не обеспечивая и справедливости. Плохой контроль за судами порождает злоупотребления. Все это столь ясно, что нынешний, по существу антицерковный, проект порождает раскол даже между самими православными.

Одни, во имя принципа, восстают против него. Другие, даже священники, во имя факта, готовы ему радоваться. Они столь удручены грязью и злоупотреблениями нынешнего бракоразводного процесса, что говорят: «пусть хоть светский суд избавит нас от этого».

И вот мы, православные, раздроблены на две партии, и часть из нас готова подать руку даже антицерковным элементам, если они стоят за реформу. Нас разъединил *запрос жизни*, который Церковь оказалась бессильной удовлетворить правильно.

А казалось бы, дело совсем ясно и просто: если светский суд может быть поставлен

прилично, не оскорбляя нравственного чувства тяжущихся, то почему же этого не может достигнуть Церковь в своем духовном суде? Но вот 30 лет ничего не сделано, даже после того как раздался первый удар грома...

Мы же, православные, не только дробимся между собою, но становимся в самое неприятное, ложно-консервативное положение. Мы, во имя интересов Церкви, стараемся не допустить светского суда к такой реформе, которая требуется нравственностью и справедливостью, и благом частных, заинтересованных лиц. Но как ужасна даже мысль, что благо и справедливость могут быть противны церковным интересам! Ведь сама мысль эта составляет хулу на Церковь, а мы, своим протестом, принуждены невольно возбуждать крики, что, во имя интересов Церкви, мы защищаем явно недоброкачественный status quo.

Где же причина этого ряда зол? Возможно ли обвинить лично архипастырей, в течении этих 30 лет непрерывно сменявшихся в Св. Синоде? Конечно, нет. Они лучше нас знают, как плохо поставлено дело и, без сомнения, больше нас скорбят об этом. Тут вина не личностей, а недостатков самого учреждения, которое не дает способов провести реформу бракоразводного дела в истинно-церковном духе, что б она было не только не хуже, а лучше, выше и чище, чем может поставить её светский суд.

По-настоящему, по-христианскому, истинную задачу церковного суда составляет не расторжение брака, а *уничтожение греха*, очищение испортившихся отношений супругов, вразумление, успокоение их и примирение. Но не говоря уже об этих высотах идеала, — внесение хотя бы должного приличия и справедливости в бракоразводный процесс требует преобладания *нравственного убеждения* над системой формальных доказательств. Однако, для произведения даже этой скромной реформы требуется большая компетенция и непрерывный продолжительный надзор высшее церковной власти за действительным воплощением в церковном суде всего продуманного и определенного свыше.

Между тем, постоянно сменяющийся состав и коллегиальность действий Св. Синода препятствуют зрелому, вдумчивому обсуждению и последовательному проведению такой реформы. Как бы ни был глубоко убежден данный состав Синода в её необходимости, на следующий год его сменит другой состав, который по обстоятельствам, будет более занят чем-нибудь другим, а потом еще новый состав — еще чем-нибудь третьим. Все эти сменяющиеся составы Св. Синода одинаково готовы помешать вредному и антицерковному делу, но не могут преемственно сливаться на создании положительной и полезной реформы. И вот, вместо должного и правильного решения, является ряд затяжек, а дело не делается, и мы, православные, видим себя, наконец, в том печальном и угрожающем положении, в каком очутились теперь.

Возьмем другой пример нашего положения среди текущих запросов жизни.

Недавно возник спор о *монашестве*, его целях и задачах. Г. Круглов³, указывая на плохое состояние жизни монахов, высказал требование преобразовать монастыри в учреждения широко-благотворительного характера.

Против этого высказался отец архимандрит Никон⁴, указывая, что это есть подмена высшего аскетического идеала монашества — низшим. И вот немедленно обнаруживается раздробление православных. За отца Никона высказался профессор Введенский⁵, а также я⁶. Но за г. Круглова горячо и безусловно вступился некто П. И-, сам заявляющий себя иноком⁷ и резко нападающий на инока же, отца Никона, почти до личностей. Далее отец архимандрит Евдоким явился в *Богословском Вестнике* с длинным исследованием о служении иноков ближним⁸, которое *С.-Петербургские Ведомости* не замедлили сочувственно отметить, очевидно засчитывая его в пользу г. Круглова.

Итак, вот уже мы, православные, от г. Круглова до самих иноков, моментально разбились на враждующие группы; иннок П. И-, в своей борьбе против другого инока, уже принял руку помощи князя Э. Ухтомского, отношение которого к Православию и Церкви достаточно всем известно. И кто может сказать, где остановились бы это дробление православных и их союзы с общими врагами, при дальнейшем обострении борьбы?

А между тем, из-за чего эта война? Смысл монашества до очевидности ясен. Указание отца Никона на его *аскетический* идеал безусловно верно. Спорить не о чем. С другой стороны, *служение иноков* ближнему точно так же есть бесспорный факт, который невозможно опровергать и совершенно излишне доказывать.

Для ясности дела замечу, что это служение ближнему, обществу, государству и даже национальности вытекает у иноков не из их специально-*иноческого* идеала, а обусловлено их *общим* идеалом христианина и сына Церкви. Инок и мирянин различаются между собою специфическими способами выработки себя, как христиан и сынов Церкви, но добродетели и обязанности христианские лежат одинаково на всех. Церковь же имеет дело и с обществом, и с государством, и даже с национальностью, почему на служение ей, Церкви, силы иноческие всегда имели самые разнообразные применения.

Итак, казалось бы, спорить решительно не о чем. Но всякое явление имеет реальные причины, и в данном случае они совершенно те же, что и в деле бракоразводного процесса. Существует, как и там, *наличность неотложных запросов жизни*, обнаруживается *бессилие церковной власти правильно двинуть православные силы на их удовлетворение*, и потому возникает *самовольное стремление православных ответить на запрос*.

Живая сущность вопроса, вызвавшего спор, конечно, состоит не в идеалах монашества, а в том, что и монастыри плохи, и жизнь дела требует. Несомненно, что никогда человечество не нуждалось сильнее чем теперь в организованной помощи своим многообразным нуждам, материальным и духовным. Нужна всяческая работа, благотворение, больница, школа, приют. Всем этим усиленно заняты разные Общества, усердно занимаются этим и люди, делающие из этой помощи орудие борьбы против веры и самого Христа. А Церковь что же делает? Мы, православные, как церковная община, что делаем для помощи вопиющим нуждам людей и для защиты их умов и сердец от захвата врагами Христа? Почти ничего. По сравнению с величиной нужды и силой врагов христианства, — до невероятия мало. И вот, под удручающим сознанием этого, является мысль воспользоваться для заполнения пробела всеми силами, какими

возможно, в том числе иноками: обратить иноков на служение ближнему, на борьбу за христианское просвещение.

Мысль в высшей степени понятная и особенно со стороны иноков. Но возможно ли допустить такое распоряжение силами монастырей в настоящее время? Для меня ясно как день, что из этого вышло бы не освящение жизни христианством, а обмирщение христианства, дело прямо гибельное.

Достаточно подумать, кто это будет производить реформу требуемую г. Кругловым? Дело непременно сведется к руководству гражданских властей, ко влиянию великосветских лиц, а то и прямо князей Ухтомских и К^О.

Мы помним реформу монастырей начала XVIII века. Подобно нынешним обличителям, и тогда указы говорили: «Нынешнее житие монахов точию вид и понос... понеже большая часть тунеядцы суть». Посему в 1722 году было приказано монастырям служение ближнему — содержать больных драгун и солдат, а в 1723 году — «монахов и монахинь переписать, впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат для пропитания». Все это вполне отвечало нуждам того времени, а для большой филантропической самоотверженности своей иноки имели еще указ, что «где вакансий (для солдат) не будет доставать, там убавлять порции и содержания у монахов, и уравнивать их с солдатами». Что касается просвещения, то, конечно, не Петра Великого можно упрекнуть в небрежении об этом. Однако, в 1722 году было указано: «монахам не писать по кельям писем и советных грамот, без ведома настоятеля, под жестоким на теле наказанием, чернил и бумаги не держать»⁹.

Напрасно было бы возражать, что теперь не то время. Времена Петра в государственном отношении не плохие, а великие. Все дело в том, что, как *спасение душ*, так и *служение ближнему*, проникнутое идеей спасения души, может правильно устраивать только Церковь. Государство же, самое великое, так же не может исполнять задач Церкви, как Церковь не может исполнить работы государственной. Это зависит от существенного, природного различия самого характера той и другой власти.

Если же мы, думая о реформе монастырей станем рассчитывать не на государственное руководство, а на личные силы отдельных иноков, отдельных настоятелей и т.д., то и от этого нельзя ожидать добра. У каждого из нас есть своя индивидуальность, свои увлечения тою или иною стороной дела или идеи. Если нас некому будет объединять, примирять, каждому указывать, каких пределов мы не должны переходить, то мы, следуя каждый своей излюбленной идеи, будем лишь все больше дробиться, расходиться между собою, ссориться. Для торжества своего специального дела, каждая группа будет соблазняться входить в союзы с элементами иногда сомнительными, иногда даже и противниками христианства. Понятно, что такой путь «трудовой службы» сулил бы Церкви ничуть не добро.

Но воздерживая людей, желающих служить ближнему, разве мы не рискуем стать в то же самое ложно-консервативное положение, как я раньше говорил? Ведь это значит, во избежание опасности для христианства и Церкви, — мешать делу, которое требуется христианством и необходимо для Церкви же!

Ищешь выхода, и не находишь другого: нужно сильное и прочное церковное управление, к которому могли бы восходить проекты наших начинаний, и которое могло бы примирять наши разногласия, так чтобы все мы, преследуя каждый свою любимую идею, оставались бы все-таки вместе, как разные члены одного тела.

Инок П. И- горит: «Если западная церковь, со своей поразительной организацией дела просветительного и благотворительного, при посредстве монашеских орденов, умеет держать себе в повиновении всех верующих, нам-то, овцам рассеянным, пастыря своего не знающим, можно было бы добро, хотя оно и с Запада, любить, а не ненавидеть"...»

Но ведь в том-то и дело, что на Западе, в Риме, имеется в высшей степени авторитетная церковная власть. Ведь только поэтому и возможны стали все эти частные организации орденов и дел. У римско-католиков вовсе нет того случайного смешения идеалов в одном монастыре, как рисуется г. Круглову, да, кажется, и иноку П. И-у: кто хочет — молись, кто хочет — за больным ходи. Их обители для аскетов, ищущих иноческого идеала, построже наших. А на дело идут, за послушание, особые ордена и общины. Но для этой стройной организации сил, не упуская «дела», не угашая и родников аскетического подвига, животворящего христианство, — на всё это нужно сильное церковное управление. Одними личными порывами даже отдельных епископов — нельзя этого создать: нужна вдумчивая, систематическая работа целой Церкви, нужна, стало быть, опять прочная, постоянная, высокоавторитетная власть. Без неё трудно даже процветание и аскетических обителей, и уже совсем невозможна прочная и плодотворная организация «деловых» обителей или орденов.

Но если запросы жизни столь трудно ныне удовлетворимы даже среди иноков, то что же сказать о нас, десятках миллионов мирян?

Мы ведь тоже христиане, мы сыны Церкви, желаем мы и душу свою, посылно, устроить, да и потрудиться на пользу ближних. Для всего этого нам необходимо церковное руководство. А всегда ли мы видим его указание, совет, решение?

Многие и очень многие недоумевают в этом отношении, и вовсе не со злорадством. Покойный В. С. Соловев, в публичной полемике, спрашивал меня, где голос Церкви? И могу ли я отрицать, что ныне для мирянина далеко не всегда легко сознавать себя действующим в церковной воле? Её приходится разыскивать, словно мы попали в протестантскую невидимую церковь.

А между тем мы, миряне, со всех сторон окружены неверующими и еретиками. Их влияние огромно, они идут к нам, дружат с нами, стараются сойтись с нами, быть нам как можно ближе и понятней. Православная же Церковь как будто находится в каком-то разобщении с огромными слоями образованного общества, и в делах своих иногда не обнаруживает понимания его запросов даже тогда, когда они вовсе не предосудительны. Все это замечается слишком часто. Бывают даже случаи, когда мирянин отталкивается от Церкви именно в силу своих религиозных, духовных запросов, на которые не находит отклика...

Конечно, в этих случаях виноваты *отдельные лица* клира и иерархии. Но для того чтобы вина этих отдельных лиц не вредила нашему единению с Церковью, мы имеем настоятельный запрос всегда ясно видеть, где Церковь, где её воля, её истолкование? Нет ни одной отрасли государственного управления, в которой бы мы знали очень ясно и хорошо, где *воля Правительства*, и где самовольная и незаконная выдумка какого-нибудь чиновника. Но в отношении Церкви это не так просто различить.

Сколько лет граф Толстой ругался над Православием. В это время один популярный петербургский священник на публичном собрании защищал против мирянина христианство графа Л. Толстого. Тут дело не в самом графе, идеи которого уже получили должную оценку, а в том, каких пастырей видит перед собой наше общество.

Есть у нас, например, еще писатель, г. В. Розанов, который не только явный нехристианин, а прямо проповедник чисто-языческой безнравственности. Однако, находит и он себе поклонников среди отцов пастырей. Священник У-ский публично восторгается одной из невозможнейших статей г. Розанова, в конорой, может быть, и не понял толком её смысла. Но кому должны верить миряне? Священника У-ского его церковная власть не вразумила, ничем не показала для мирян — церковно или нет его учение. Что же думать мирянам?

Итак, слушая иного своего приходского пастыря, я должен уверовать в правильность культа Астарты!

Я беру случаи текущие, первые попавшиеся. Во всех мы должны *сами* разбираться, как Бог поможет. Мудрено ли, что образованное общество привыкает жить без руководства Церкви, только своим соображением?

А причина в чем? Не очевиден ли недостаток церковного «окормления» даже священнослужителей и вообще всех, облеченных правом учения церковного? Некому, оказывается, присмотреть за ними, некому проверить, вразумить, некому объявить нам, где истинный голос и учение Церкви. Невольно вспоминаются прискорбнейшие времена судей израилевых: «И в тии дни не бяше царя во Израили: муж еже угодно пред очима его творяше».

Но неужели это порядок, неужели это — нормальное существование христианина в Церкви?

А мы окружены проявлениями такого положения. Куда ни обернись — повсюду оно дает себя знать.

Недавно много шума и соблазна произвела истории погребения генерала Гурчина (католика). Местный Виленский преосвященный совершенно правильно запретил наши церковные панихиды по инославном. А на Кавказе тамошняя церковная власть разрешила их служить по тому же генералу Гурчину. Да и без того всем известно достаточно случаев, как по протестантам служатся наши заупокойные литургии. Шуму и нареканий было много... Да и где же справедливость: разве церковная молитва зависит от произвола епископа, или от звания усопшего? Но, кроме соблазна и нареканий на Церковь, да ссор между самими православными, ничего и после этой истории не вышло.

А надо сказать, что *молитва за инославных* уже давно стала жгучим запросом жизни, ибо мы, православные, перероднились с инославными, живем с ними, имеем друзей между ними.

Естественно является вопрос: можно ли о них молиться? Этот вопрос уже десятки лет разбирается в частных собраниях, и для знающих, кажется, ясен как день. Невозможно и отчасти кощунственно давать иноверцу ту же церковную молитву, как умершему в правой вере и в общении таинств с Церковью. Но множество компетентных лиц признают необходимую специальную молитву за иноверцев, которая, говорят, когда-то и существовала, а теперь забыта Церковью. Казалось бы, что проще как разобрать вопрос и, одно из двух: либо абсолютно воспретить, не делая уже поблажек никому, либо составить особую молитву за иноверцев, и разрешить её для всех. Но вот — тоже ничего не делается. А поблажки, в силу напора со стороны запроса нашей жизни, делаются, создавая, во-первых, полный произвол, а во-вторых, даже и грех, который мало-помалу грозит утвердиться. Опять, значит, Церковное управление не выносит нам *правильного* удовлетворения, вместо которого самовольно упрочивается *неправильное*, создавая ссоры и разделения между православными и общие нарекания на Церковь.

Не буду останавливаться на *реформе приходе*, которая все сильнее рвется к нам, имея тоже совершенно *законные, правильные* причины, но неразрешима правильно при современных отношениях прихода к епархии и епархии ко Св. Синоду. Дело, того гляди, кончится тем, что, не устраивая приход *правильно*, мы дождемся решения вопроса о нем не совершенно не церковных и не православных началах.

Не буду говорить и о *миссиях* внешней и внутренней, тоже вопиющих к церкви о сильном и прочном управлении. Но отмечу слегка запрос заграничного старокатоличества, дело о котором мы *церковно* оттягиваем более 30 лет. Мы и не принимаем старокатоликов, и не отвергаем, и указаний им не даем. Все толки со старокатоликами ведутся лицами частными, случайно, по мере усердия, причем мы, церковно, вовсе не пытаемся как-либо повлиять на старокатоликов. А уж, конечно, если они в чем погрешают, то для них *голос Церкви* имел бы больше значения, нежели беседы и отзывы частных лиц. Почему же не слышно голоса Церкви? Конечно, потому же, почему он не слышан и в других сложных и сомнительных случаях. Никто, понятно, не хочет взять на себя ответственность превыше сил, и вот является оттяжка, а тем временем старокатолики могут только недоумевать о причинах нашей бездейственности. Спасибо, что доселе они, не зная где найти опору, не слились с протестантами епископального типа. А может, и этого дождемся...

В довершение всего, и старокатолический вопрос, не получая никакой *церковной*

регуляции, уже создает разделения между нами, православными. На Западе мы никого к себе не присоединили, а у себя, своих собственных православных, разъединили до вражды.

Таковым оказывается наше положение на каждом шагу. Жизнь идет, предъявляет свои запросы, а мы можем откликаться на них только единолично или фракционно, причем, понятно, всякое отдельное лицо, или группа, не может избежать увлечений односторонности и, поэтому, вступает в пререкания и в борьбу с другими, православными же, группами.

Мы дробим силы и уничтожаем друг друга, как было в арианские времена, когда, по свидетельству истории, церковная жизнь напоминала ночную битву, в которой воины поражали своих, не различая их во тьме от врагов.

Но если в действительном ночном сражении эта тьма, ослепляющая очи воинов, происходит от причин внешних, а потому для них не постыдна, то наша тьма — есть тьма внутренняя, в существовании которой мы сами же и виноваты. Наша тьма происходит от того, что пред нами нет ясного *светоча Церковного Авторитета*.

Если бы мы его пред собой имели, то могли бы и запросы жизни улаживать, и объединить действительно своих, и отходить от чужих, коль скоро они оказываются действительно врагами, могли бы создавать себе и органы служения ближнему и родине, превосходящие латинские по своему духу православия. Но для всего этого нужно Церкви, то «сильное и важное» Правительство, о каком думал [Петр I](#).

Не следует заподозривать искренности Петра Великого, как делают некоторые. Сами задачи, указанные им Синоду, доказывают, что Петр прекрасно сознавал необходимость сильной Церкви для благоустройства жизни народа. И если Петр боялся папистических стремлений со стороны патриарха, то в то же время заботился о сохранении в Церкви её канонически-требуемых органов, вопреки даже влиянию Феофана Прокоповича. В общей сложности, учреждения 1721 года вышли неудачны, но, как мне приходилось это говорить в полемике с В. С. Соловьевым, они *принципиально* не исказили государственно-церковных отношений. И тем легче у нас теперь подумать об осуществлении мысли Петра о «сильном и важном Правительстве» Церковном, которого одинаково требуют интересы Церкви и Государства.

Вдумываясь в причины слабости нашего церковного управления, мы никак не можем сказать, чтобы наша Церковь не имела достаточно широких прав, или чтоб её отношения ко власти Государственной были в самом принципе поставлены неправильно¹⁰.

Права Св. Синода определяются как «равнопатриаршеские», и это, вообще говоря, совершенно верно, — на бумаге. Св. Синоду присвоено по *Регламенту* общее наблюдение за всею церковною жизнью клира и мирян, ему дано право наблюдения и за епископами, ему вменено (по «присяге») в обязанность сообразоваться в своих действиях с правилами соборов, что повторено и об епископах епархиальных. Сам принцип *соборного* управления церковью в *Регламенте* утверждается как основной, и отрицание патриаршей власти мотивируется именно принципом *соборности*. Сам Св. Синод определяется как постоянное («всегдашнее») соборное управление. Наконец, в основных законах наших положительно установлено *непосредственное* общение Государственной Верховной Власти с Церковною (§ 43 Основн. Законов).

Собором поместных у нас также никто не упразднял, хотя голоса их мы, к сожалению, 200 лет не слышали. Вместо этого, мы получили «постоянный собор» со властью «равнопатриаршескою». Тут уже начинается построение совершенно ошибочное, но не принципиально, а практически ошибочное. В Св. Синоде соединено как бы значение собора и значение патриарха, хотя в действительности, ни того, ни другого, даже порознь взятых Св. Синод не может возместить.

Прежде всего патриарх, вместо которого поставлен Синод, вовсе не есть высшая Церковная Власть («верховная», по выражение Духовного Регламента), а только высшая управительная власть её, то есть исполнительная, производящая должное наблюдение за действительным выполнением предначертаний Соборов. Следовательно, если бы Св. Синод и вполне хорошо заменил в этом случае патриарха, то всё же не заменил бы главного отсутствующего органа, то есть Поместных Соборов. Одна «коллегиальность» церковной исполнительной власти еще не придает ей значение «верховой», соборной. Собрание 12 епископов и «киновиархов», из коих, по идеям 1721 года, должен быть составлен Св. Синод, есть конечно, «собор», но не Собор Поместный¹¹.

В этой Синодальной соборности исполнительной власти выразилась не церковная идея, а та *коллегиальная* идея, которая во времена Петра I была ошибочно признаваема наилучшею вообще во всем управлении, в том числе и государственном. Впоследствии, и очень скоро, коллегиальная идея практически доказала свою полную несостоятельность и повсюду, во всех отраслях управления, упразднена Государством.

Осталась она только в Церковном Управлении, где она, в действительности, еще менее состоятельна, нежели в управлении гражданском. В последнем — коллегии имели, по крайней мере, *постоянный состав*, так что каждая коллегия знала свои дела и приводила в исполнение то, что сама обдумала и наметила. В Св. Синоде, составленном из лиц вызванных от епархиального управления, не было и не могло быть *постоянного состава*. Члены Св. Синода каждого нового состава не могут близко знать дел, возникших при прежнем составе, и в свою очередь, устанавливая какие-либо меры, уже не имеют времени приводить их в исполнение, а принуждены передавать это дело новому составу, который должен исполнить то, что обдумали и установили другие. При таких условиях совершенно неизбежно является *слабость управления*, его неосведомленность и невозможность быть последовательным и энергичным. Должно еще прибавить, что, так как епископы, для присутствия в Св. Синоде, отрываются от своих епархий,

то по необходимости их годовая работа в Св. Синоде крайне сокращается, да и во время сессии число заседаний меньше, нежели в других коллегиях, ибо епископы принуждены все-таки и тут уделять часть времени для надзора за своими покинутыми епархиями.

При таких условиях — «сильное» Правительство, о создании которого думал [Петр I](#), совершенно немислимо. А так как Церковное управление останавливаться не может, то действительное управление Церковью переходит в руки *канцелярии*. Ибо она одна постоянная, одна знает и зарождение дел и их приведение в исполнение.

В силу этого же неизбежно гипертрофируется и власть Государственной Обер-Прокуратуры, которая остается *постоянной*, тогда как состав самого Св. Синода быстро и постоянно сменяется. Это вовсе не вина лиц, а самого положения. Я пишу настоящие строки во время Обер-Прокурорства такого лица, которое представляет совершенно исключительное сочетание необычайных государственных способностей и совершенно редкой преданности Церкви. Такого обер-прокурора Церковь еще никогда не имела к своим услугам и, вероятно никогда уже больше не получит. Но *положение* сильнее людей, даже и самых исключительных. Будучи наблюдательным органом Государства за законностью течения синодальных дел, в том числе обязательно наблюдая и за *Канцелярией*, Обер-Прокурор знает дела гораздо лучше, чем сам Св. Синод, и фактически получает те исполнительные функции, которых сам Синод не может достойно отправлять. В результате, Обер-Прокуратура становится Министерством, а сам Св. Синод чем-то в роде консультации. Отсюда неизбежно вытекает практически появление двух крайне неправильных явлений:

1) Надзор за епархиальными епископами, принадлежащий, по канону и закону, *Синоду*, то есть коллегиальному патриарху, в действительности переходит в руки Обер-Прокуратуры.

2) Сношения высшей церковной власти с Верховной Государственной Властью точно также сосредоточиваются неизбежно в руках Обер-Прокуратуры.

А между тем, по § 43 *Основных Законов*, «в Управлении Церковном Самодержавная Власть действует *посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного*». Никаких других средств между Верховной Властью и Церковным Управлением не указано. Смысл закона становится особенно ясен при сопоставлении с ним того, что § 46 *Осн. Зак.* говорит об управлениях *инославных*, которые ведаются «их духовными властями и *особенными правительствами*, Верховной Властью к сему предназначенными». Итак для *инославных* — назначаются «особые правительства». Для Православной же Церкви таких «особых правительств» не указано, а указано, что сама Самодержавная Власть действует *посредством* только Св. Синода, то есть, значит, *непосредственно*, как это и сообразно §§ 41 и 42, устанавливающим обязательно принадлежность Государя Императора к Православной Церкви и Его значение, как защитника и охранителя веры и благочестия.

Но, в силу обстоятельств, между Верховной Властью и Св. Синодом неизбежно появляется тоже некоторое «особое правительство», которым становится обер-прокуратура, так что Верховная Власть действует в церковном управлении фактически не посредством Св. Синода, а посредством обер-прокуратуры.

Итак, коллегиальность «равнопатриаршего» церковного органа власти приводит к тому, что отношения Церкви и к Верховной Властью, и к епархиальной власти фактически совершаются посредством органа не духовного, а гражданского.

При этом должно еще взять во внимание, что эта гражданская власть, то есть обер-прокуратура, не может игнорировать самого принципа соборности церковного управления, прав епископов епархиальных, и непосредственного отношения Верховной власти к Церковной, а посему находится все-таки в стесненном и ложном положении, которое не может не мешать энергии действия, так что обер-прокурор постоянно видит себя в гораздо менее выгодном

положении, чем любой министр.

Вся эта картина представляет в целом последствие того, что *управление построено в действительности не сообразно со своими собственными законными принципами*. Основная же причина, производящая это разъединение факта и принципа, состоит в сохранении устарелого, всюду уже отброшенного принципа *коллегиальности*, который проведен был у нас в Церковь Феофаном Прокоповичем, под прикрытием идеи соборности.

Итак, в основе ненормально построения нашего церковного управления, лежит не что-либо неисправимое, то есть не упразднение Церковью или Государством истинных канонических правил, но вмешательство случайного принципа *коллегиальности*¹², который, кроме своих обычных деловых последствий, перепутал действия законных правил церковного управления. Стоит лишь изъять *коллегиальность* из существующей практики, отрешиться от *коллегиальности*, как от чего-то обязательного, — и наши существующие церковно-управительные учреждения быстро приняли бы свой нормальный вид, который в них не уничтожен, а только как бы зарыт в неправильном соотношении частей. Но Правительство наше уже давно отказалось от *коллегиальности*, как принципа. Развившееся государственное право давно его переросло. Поэтому, казалось бы, очень легко и в церковном управлении перестать преклоняться пред юридическими ошибками начала XVIII века.

Если же мы отрешимся от этих уже совершенно отсталых и несостоятельных идей XVIII века, то легко приходим к построению истинно-канонических норм управления.

Прежде всего ясно, что *постоянный Собор* совершенно не нужен для *управления*. В Церкви он и невозможен, потому что у епископов есть свои епархиальные дела. Церковный канон никогда даже и не думал о постоянных Соборах, а требует только *временных*, что разумно и с точки зрения Государственного права, ибо дело *Собора* есть только *совещательное* и *законоположительное*, а никак не *исполнительное*, для чего повсюду, во всяком управлении, признаны преимущества единоличной власти.

Эта исполнительная, управительная власть в Церкви, — по канону принадлежит *главному епископу*, имеет ли он название митрополита, патриарха, папы, — это безразлично¹³. Во всех случаях этот патриарх не есть для епископов *верховная* власть, и там, где становится ею, чего собственно и опасалась политика [Петра I](#), то становится только по узурпации, с православной точки зрения незаконной. Только крайняя слабость Феофана Прокоповича в понимании Православия виновата в том, что он смешивал православного патриарха с римским папой и потому настоял на уничтожении у нас единоличной церковной власти главного епископа-патриарха. В недопущении патриарха к значению римского папы — Петра I одобрила бы вся Православная Церковь всех веков. Но замена единоличного патриарха коллегиальным — была очевидной практической ошибкой. Без единоличной управительной власти Церковь, как и всякое учреждение, не может иметь «сильного и важного» правительства, какого желал для Русской Церкви [Петр I](#).

Коллегиальность управительной власти — неизбежно делает её бессильной. Сверх того, непереносимое, азбучное условие науки об управлении требует *постоянства* власти. А оно материально немыслимо в коллегиальном Синоде, составленном из епископов.

Наконец, если нет действительно *постоянного* и *сильного* церковного управления, то невозможным становится и требуемое законом «действие Верховной Власти» посредством именно этого учреждения.

Как известно, эта необходимость действия Верховной Власти Православного Царя в церковном управлении вполне признается церковным канонам с древнейших времен. Поэтому-то с древнейших времен Церковь обладала правами *первого епископа*, управляющего *всею* Церковью, именно того, который пребывает в царствующем граде, то есть в месте пребывания Государственной Верховной Власти. Это требуется именно для удобства непрерывного общения Власти Церковной и Власти Государственной.

Если мы представим себе в общей сложности все перечисленные обстоятельства и требования, то приходим к заключению, что для преобразования нынешнего, столь слабого, церковного управления в надлежаще-сильное, сообразное канону и закону, а равно нуждам Церкви и Государства, нам вовсе не требуется никаких принципиальных ломок учреждения 1721 года, а нужно лишь приведение к норме действия отдельных его составных частей, придав каждой отдельной части *должное* значение и упразднив *недолжное*.

Говоря вкратце, суть этого видоизменения, полагаю, могла бы быть сведена, примерно, к следующему:

1) Нужно возобновление, время от времени, созыва *Поместных Соборов*, действительных, особых от Св. Синода, которому власти Поместных Соборов даже и законом не приписывается, и которых он не может *заменять*, как это было желательно только Феофану Прокоповичу, но не Церкви и не Верховной Власти Государства.

2) В самом Св. Синоде требуется, для должной силы и систематичности его действий, разъединить функции, ошибочно слитые воедино по вине несостоятельной и всюду отброшенной идеи коллегиальности, а именно:

а) Первоприсутствующий член Синода, то есть митрополит резиденции Государя Императора, получает в свое единоличное ведение все права, принадлежащие Синоду по функциям *управительным*, то есть права патриаршие, права главного епископа Русской Церкви.

б) Остальной состав Св. Синода сохраняет все свои *совещательные* функции, причем, для должного исполнения их, состав его усиливается присоединением к вызываемым для присутствия епископам также и опытных и ученых отцов архимандритов и протоиереев.

в) Обер-прокуратура при этом естественно возвращается в свои нормальные функции — государственного надзора за законным течением дел церковного управления.

г) Наконец, все сношения Св. Синода с Верховной Властью совершаются первосвященствующим митрополитом или патриархом, если первосвященитель получил бы такое наименование, для того чтобы не умалять внешнего престижа России в отношении восточных патриархий и особенно в отношении Рима. Но понятно, дело в наименовании.

Таким образом, в общей сложности, были бы приведены в действенное состояние все органы, потребные для живого существования церковного управления, органы не уничтоженные у нас ныне, но как бы закрытые в неправильном смешении всех их в одно учреждение, через такое смешение лишаящееся возможности исполнять удовлетворительно хотя бы одну из возложенных на него функций.

4 декабря 1902 г.

Примечания

Бывали и ухудшения, как при основании в 1817 году — Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения (1817 — 1824 г.)

Таково, для примера, полицейское «содействие» миссионерам.

Душеполезное Чтение, сентябрь. «На службе миру — на службе Богу».

Душен. Чтен. Сентябрь

Там же.

Богосл. Вестн. Ноябрь, «Иноки на службе ближним».

К. П. Победоносцев. *Выписки из Полного Собрания Законов.*

В наших узаконениях, относящихся к Церкви, попадаются просто режущие ухо выражения, которые и породили легенду о нашем «цезаро-папизме» Но это не более, как вина неудачной *редакции* законоположений, которая у нас вообще оставляет много желать и там, где трактуется о государственной власти. Но на отдельных диссонансах *выражений* нельзя основываться при определении смысла и духа законов.

Собор как власть Церковная, должен состоять из *всех Епископов* данной Церкви (см. правило 5 *Первого Вселенского Собора*, правило 19 *Четвертого*, 8 правило *Шестого*, правила *Карфагенского Собора* и т.д.

К коллегиальности *всякой* управительной власти одинаково относятся упреки, сформулированные Сперанским. Она везде создает: 1) «нестерпимую» *медлительность* в делах, 2) *недостаток разделения труда*, 3) *бесполезный формализм*, 4) *недостаток ответственности* (См. проф. Алексеев, *Русское Госуд. Право*, стр. 418).

Правило 34 Свв. Апостолов гласит: «Епископам всякого народа подобает знать *первого из них* и признавать его *яко главу*», а далее: «Но и первый да ничего не творит без рассуждения всех». Это требование канона выразилось в учреждениях 1721 года в установлении *председателя* или *первоприсутствующего*. Но понятно, что положение этого *первого* епископа поставлено столь же неправильно, как и всех других частей учреждения 1721 года.